

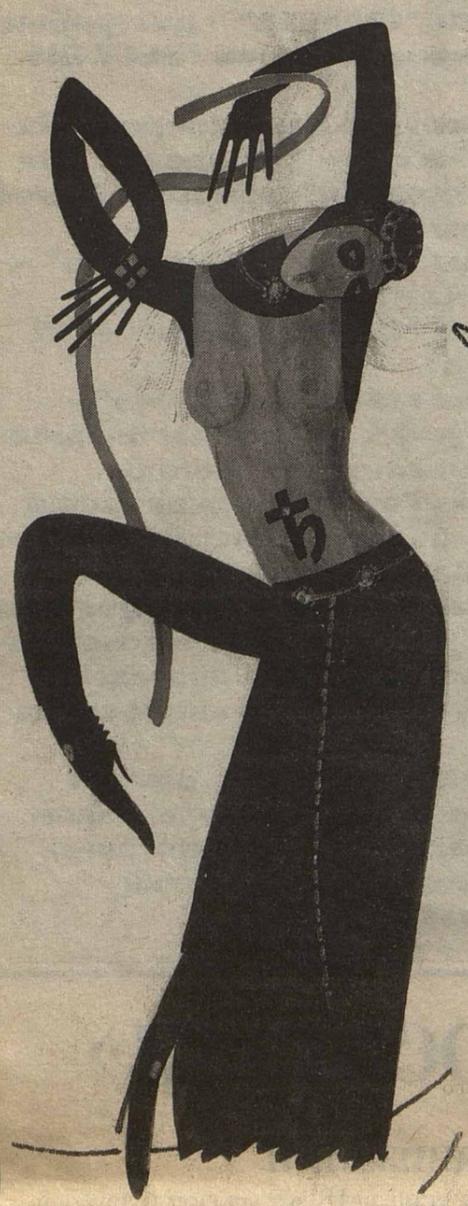
01.2001

601 Логофет Светлана

Светлана Логофет: «Я люблю ШИК»

В первом, новогоднем номере «ЭС» Светлана Логофет рассказывала о своей работе над костюмами для Кремлевских елок. Сюжет этот возник на персональной выставке художницы, разместившейся в Доме-музее М.Н.Ермоловой на Тверском бульваре. Эскизы, фотографии, подлинные костюмы для спектаклей и эстрадных шоу – итог ее двадцатилетней работы в театрах и концертных залах. Сегодня мы публикуем беседу искусствоведа Анаит Оганесян со Светланой Логофет.

– Сегодня мало мастеров, умеющих работать так точно, так изысканно. Я имею в виду умение рисовать, придумывать образ, находить ему фактурную и цветовую осозанность. Есть ощущение, что вам не близки современные пьесы. Вам интереснее такая драматургия, где много персонажей, где все они очень разные. Вы любите работать в музыкальном театре, в оперетте. Вы делали вместе с Сергеем Бархиным «Жака Оффенбаха, любовь и тру-ля-ля» в Московском ТЮЗе. Спектакль хоть и в драматическом театре, но по жанру оперетта. Одна из ваших последних работ – «Мещанин-дворянин» в Театре имени К.С.Станиславского. Ваши костюмы вывели его на иной, более высокий уровень. Спектакль обладает скорее внешней привлекательностью, чем внутренней сосредоточенностью. Там очень ощутимо ваше желание насытить действие зрелищностью. Это вторая ваша работа с Семеном Спиваком?
– Да. Мы делали вместе с ним «Мужской род, единственное число», ставший хитом нескольких сезонов. Он идет уже четыре года. Когда мне дали эту пьесу, я ею была несколько озадачена. Персонажи современные.

Думала я очень долго, пока не придумала ход, идею сделать костюмы черно-белыми.
– Важен, мне кажется, и союз со сценографом – декорации в «Мужском роде» делал Март Китаев. Вы работаете с известными мастерами, каждый из них очень индивидуален. Бархин не похож на Китаева, Китаев на Арефьева. Однако вы всех устраиваете. Вы умеете соединить решение костюмной палитры с тем, что предлагает художник-сценограф.
– Конечно, я смотрю макет. Но ни один из художников ничего мне не навязывает. Китаев говорил мне: «Пожалуйста, делайте что угодно». У него на сцене должен стоять зеленый диван. Вместе с моими черно-белыми костюмами все сложилось.
– Я обратила внимание, что вам везет на французских авторов. Французское искусство, тем более история моды, – для любого художника – кладь, неисчерпаемый источник. Нам хочется примерить себя к тому, что было, попробовать найти что-то новое в старом, поспорить с чем-то, что было. Но как говорят в оперетте, – без куража ничего не бывает.
– Если нет куража – ничего не получится, по крайней мере, у меня. Хожу в библиотеку, думаю, мучаюсь, делаю бесконечные почеркушки, а куража нет. И вдруг ловится, находится какой-то крючок. И все начинает связываться.
– Возникает какое-то прозрение.
– Не знаю, что это. Может быть связь с космосом, которая приходит через режиссера, или через идею. Но я ощущаю эту связь «материально».
– В тот момент, когда вы придумываете, вы ощущаете свое единство с пространством театра, с воздухом сцены?
– Да, мысленно я вижу сцену так, будто нахожусь в зрительном зале. Я и придумываю в зале. И варианты решений проверяю из зала.
– Когда вы сочиняете костюм, вы исходите из индивидуальности артиста или вам близка идея преображения – стать таким, как я хочу.
– Как правило, исхожу из индивидуальности. Если в центре спектакля сильный драматический актер, как Невзоров, например. Коренев есть Коренев и Кореневым останется. Вот балет, другое дело. Там, действительно, преображаешь артистов до неузнаваемости.
– Художник, подчас, видит актера, как некую форму. Он может скрыть недостатки. Иногда он может помочь зрительно вытянуть образ. Сделать персонажа плотным, или бесплотным, более смешным, менее смешным. А иногда важно превратить артиста в придуманного художником персонажа.
– Вот, в «Моем бедном Балзаминове» Геннадий Тростянецкий хотел, чтобы персонаж стал ползучим. Интересная была задача. Сажусь – рука сама рисует.
– Я хорошо помню историю рисунков Альтмана к спектаклю «Гадзика» в студии «Габима». Вахтангов долго не мог найти образ спектакля. И вот к нему привели молодого Альтмана и тот принес рисунки, на которых были обитатели еврейского местечка с характерными движениями рук, голов. Эти рисунки определили пластику всего спектакля.
– У меня был интересный случай на «Оффенбахе». Я сделала эскиз красного платья, и он очень понравился Генриетте Яновской. Но вот платье сшили, выходит актриса на сцену – и Яновская в шоке, она страшно разочарована: «Что это так скучно, я не ожидала». А я говорю: «Она совершенно не так движется. В этом платье нельзя стоять на месте. В нем нужно кружиться, поднимать ноги повыше. Это платье как фонтан». Я под юбку заложила еще одну, нижнюю юбку, всю в оборках, в розах. Когда в ней кружишься – совсем другой образ получается. Генриетта Наумовна говорит: «Ну, давайте попробуем». Они стали пробовать, и все получилось. Получился некий вихрь. Яновская очень любит костюм. И очень ценит, когда он в самую точку образа попадает, соответствующее настроение создает. Когда я ей показала эскизы к «Оффенбаху», – это был фурор. Именно так Генриетта Наумовна и представляла героев будущего спектакля.
– Когда смотришь эскизы и сравни-

внешней с впечатлениями от спектакля, обращаешь внимание на то, как совпадают замысел и реализация. Один в один, до мельчайших деталей, и колористическая гамма, и аксессуары.

— С деталями и аксессуарами была история, которую Генриетта Наумовна сама любит рассказывать. Просмотрев мои эскизы к «Синей Бороде», она попросила убрать маленькую розочку с одного платья. «Хорошо, — сказала я, — уберу. Но тогда и переделаю цвет таких-то платьев, таких-то нижних юбок, шейных платков, вееров, и так далее». «Оставьте», — ответила она.

— Вы рисуете эскизы и уже видна пластика будущего персонажа, как он будет двигаться.

— Конечно, так случается. Например, Сергей Виноградов (он был хореографом спектакля) начал сцену жен Синей Бороды с того движения, что было на моем эскизе. Когда я рисую — я предлагаю решение образа. И не было случая, чтобы от интересных предложений отказывались балетмейстеры или режиссеры.

— Это свидетельство большого опыта. Когда мастера приступают к работе, они заранее определяют жанр, стиль. Хотя иногда в процессе репетиций что-то меняется.

— Мы с Борисом Барановским, когда делали «Холопку» в театре Оперетты, многое обговаривали на словах. Он назвал мне номера: белый вальс, черный вальс, цыган-

ский танец. Когда я ему через неделю после нашего разговора принесла эскизы, наброски, он сказал: «Шикарно! Точно! То, что нужно!» Ему очень понравилось, что движения в эскизах отвечали его ощущениям балетных сцен.

— Кроме балетных номеров, там есть и исторические костюмы.

— Раздолье для меня.

— Интересная работа была у вас в «Бальзамино» в МТЮЗе. Важным стал язык цветов, которым пользовались в девятнадцатом веке. Определенный цвет символизировал определенные чувства.

— Вы правы. Вот на костюме Свахи у меня георгины. Но спектакль о невестах и Сваха — концентрация всех цветов. Причем эти цветы не набивные, не роспись, а натуральные. И потом эти цветы переходят от Свахи ко всем невестам. Здесь сочетание русских мотивов и парижской моды. Русские девчонки бредят Парижем.

— Хотелось бы поговорить о ваших костюмах для Валерия Леонтьева. Красно-черная гамма — это его заказ?

— Нет, я его так вижу.

— Вы делали ему красный бархатный костюм для концерта в честь закладки его звезды на Аллее Звезд.

— Да, мне хотелось соединить в этом костюме два образа — «звезды» и В.Леонтьева. Я взяла красный бархат как основу для сверкающего красного стекляруса. Но

этого показалось мало, хотелось, чтобы шло излучение, пульсация света, когда он движется в пространстве... Если этот костюм запомнился, значит, мой задуманный эффект сработал! А секрет был в том, что в пальто сделали глубокие разрезы, делящие его на длинные узкие части. Сама придумала и технологию подкладки. Она получилась очень легкой, в отличие от стекляруса, но не уступала ему по характеру блеска. При движении части пальто расходились узкими полосами, рождая мгновенные отблески света... Интересно, что ткань и технология этой подкладки оказались довольно дешевыми.

— А выглядит эта подкладка очень дорогая. Такое придумать может только театральный художник. Он трудится над тем, чтобы превратить холст в парчу. Передать разные эпохи через материал. Костюмы для Леонтьева не только учитывают его фигуру, его характер, но и то, как артист будет смотреться из огромного зрительного зала.

— Одна из программ Леонтьева называлась «По дороге в Голливуд», и это название навело — среди прочих — и дорожные, мотоциклетные ассоциации. Человек собрался в путь. На нем много пряжек, застежек. Лирический герой Леонтьева — человек очень тонкий, ранимый. Отсюда и возникла мысль сделать «прозрачный» костюм из пряжек, которые «впивают-

ся» в голое тело. Его кожа должна быть открыта. А вот по поводу превращения тряпки в дорогую ткань — я категорически против. Люблю хорошие, дорогие материалы. Если бархат — то бархат. Особенно в драматическом театре это важно. Зритель совсем рядом. В первые ряды билеты дорогие. Зритель не должен видеть изнанки театральных костюмов. Поэтому мне не нравится, когда на выставках показывают те костюмы, в которых уже изрядно поиграли.

— В театре мы часто не понимаем, из чего сделаны костюмы. Недорогое кажется дорогим...

— Теория прошлого. Раньше не было возможностей, делали из байки бархат, тиснение — клеем. Сейчас все можно найти в магазине.

Актер в хорошо шитом костюме из хорошей ткани чувствует себя по-особому. На «Мещанина» актеры до сих пор приходят заранее, одеваются и ходят за сценой, потому что им это «по кайфу».

— Ведь и в жизни так — в красивом платье забываешь о всех неприятностях, ощущаешь себя иначе, чем в будничном.

— Я хорошо помню, как вы сказали: «Я чувствую, как

актерам нравится играть в ваших костюмах!».

— Вы умеете сделать костюм эффектным, шикарным.

— Я по натуре люблю шик. Если задача на первый взгляд кажется прозаической, — я все равно сформирую ее так, чтобы можно было сделать работу с шиком.

● Эскизы и костюмы Светланы Логофет к спектаклям:
1. «Полнолуние» для Валерия Леонтьева
2-7, 9, 11. «Мой бедный Бальзамино»
8, 9. «Холопка»

